

ПЛАСТИНЫ «МАНЬЧЖУРСКОГО» ТИПА ИЗ ФОНДОВ ХКМ им. Н.И. ГРОДЕКОВА (материал к позднесредневековой этнографической культуре Приамурья)¹

А.С. Самынин

В статье рассмотрены панцирные (ламеллярные) пластины из фондов Хабаровского краевого музея² им. Н.И. Гродекова, ранее не исследованные подробно. Несмотря на то, что подобные образцы уже введены в научный оборот этнографами начала XX в., упоминались в исследованиях о защитном снаряжении народов Приморья и Приамурья, а позже были внесены оружейоведами в типологический ряд доспешных пластин юга Дальнего Востока, до сих пор их представление в научной литературе ограничивалось лишь графическими изображениями и словесным описанием, которое не подкреплено музейным материалом непосредственно. В работе дано подробное описание предметов с натуры, рассмотрено возможное происхождение пластин, характер их изготовления (на основе визуального анализа), а также гипотетическое использование. Представлен вариант научной графической реконструкции ряда пластин на основе сохранившихся фрагментов доспешного полотна. Предложена примерная датировка с учётом имеющихся данных. Значимость работы обусловлена обращением к позднесредневековому этапу истории Приамурья (так называемый палеоэтнографический период), который до сих пор довольно слабо изучен в археологическом и историческом контексте.

Ключевые слова: ХКМ им. Н.И. Гродекова, Хабаровский край, Нижнее Приамурье, позднее средневековье, палеоэтнография, защитное снаряжение, доспех, пластины.

Самынин Андрей Сергеевич, сотрудник отдела археологии Хабаровского краевого центра охраны памятников истории и культуры, Хабаровск, Россия.

Samynin Andrei Sergeevich, Archeology department employee of Regional State Budgetary Institution "Khabarovsk Regional Center of the Historical and Cultural Objects Protection", Khabarovsk, Russia.

E-mail: 25kchik@mail.ru.

¹ Автор выражает благодарность руководству и коллегам из КГБУ «Центр ОПИК», коллегам из ИИАЭ ДВО РАН за помощь и поддержку; руководству КВНУК «ХКМ им. Н.И. Гродекова» за оказанное активное содействие и тёплый приём, сотрудникам фондов музея, в частности А.В. Стяжкиной, за неоценимую помощь; отдельные благодарности Л.А. Булдыгеру за работу над фотографией и К.Д. Палей за графические чёрно-белые рисунки.

² Далее — ХКМ.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая находка элементов защитного снаряжения удовлетворительной сохранности на территории Хабаровского края и ЕАО является локальной профессиональной сенсацией, так как общее количество предметов вооружения эпохи средневековья, обнаруженных в Нижнем Приамурье, не так велико по сравнению с Приморским краем, где существовала развитая городская культура и продвинутое для своего времени оружейное производство.

При этом предметы данного типа, к сожалению, разрознены по фондам научных учреждений разных городов³, часть из них не описана, имеющиеся сведения не всегда опубликованы⁴, а неизвестный процент изделий и вовсе утерян. Это приводит к некоторым неточностям при использовании ссылок на материалы предыдущих исследований⁵ из-за отсутствия актуальных качественных фотографий подобных артефактов и их графических реконструкций в научной литературе (даже отчётах) и сети Интернет⁶. Неописанные и неопубликованные предметы ожидают в хранилищах фондов своего часа.

В данной статье мы представляем набор dospeshных ламеллярных⁷ пластин с кожаной фурнитурой неизвестного происхождения из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова, аналоги которых были представлены в научной литературе лишь в графическом варианте (рис. 1).

Номера артефактов по фондовому учёту: ХКМ КП 7514-1 — ХКМ КП 1514-16, всего 16 единиц. Условно предметы можно разделить на четыре группы (табл. 1):

³Как, например, шлем из Корсаковского могильника.

⁴Положительным примером в данном случае является меч из Нижнетамбовского могильника, который был зафиксирован со всей возможной тщательностью как в культурном слое, так и в фондах (Шевкомуд и др. 2007). Однако большая часть предметов вооружения эпохи раннего железного века и средневековья Хабаровского края была обнаружена и опубликована до начала 2000-х гг. После введения в научный оборот в статьях и монографиях (Деревянко 1987; Медведев 1983) исследователи, как правило, не возвращались к ним в целях повторной каталогизации и публикации.

⁵Для демонстрации возможного внешнего вида шлема из Корсаковского могильника В.Е. Медведев обратился к работе Л.И. Шренка, который в монографии «Об инородцах Приамурья» опубликовал изображение похожего шлема «амурского типа» (рис. 3: 3) (Медведев 1983: 70; Шренк 1899: табл. 44) из утерянной этнографической экспозиции г. Николаевска-на-Амуре (рис. 3: 2) (Прокопцев и др. 2018). Данные боевые наголовья при всех сходствах конструктивных элементов не являются идентичными (Самынин 2020).

⁶Недавний локдаун во время пандемии COVID-19 ещё раз показал, насколько важен для работы исследователей открытый доступ к публикациям об археологических материалах.

⁷От лат. *lamella* — пластинка, чешуйка.

**Каталог предметов комплекса ХКМ КП 7514-1 – ХКМ КП 7514-16
из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова**

Инвентарный номер	Фото	Описание
ХКМ КП 7514-1		Одиночная пластина. Длина – 102 мм; ширина самой широкой части – 17 мм; ширина самой узкой части – 15 мм. Дугообразный изгиб в профиль по длине незначителен; имеется лёгкий волнообразный изгиб по ширине. Количество отверстий – 21. Диаметр отверстий: самое широкое – 2,5 мм, самое узкое – 2,1 мм. Имеется овалообразное отверстие (2,2×1,5 мм), отверстие со следами повторного сверления (3×1,5 мм), нижнее правое отверстие обломано
ХКМ КП 7514-2		Одиночная пластина. Длина – 102 мм; ширина самой широкой части – 19,6 мм; ширина самой узкой части – 16,5 мм. Изгиб в профиль по длине отсутствует; имеется волнообразный изгиб по ширине. Количество отверстий – 21. Диаметр отверстий: самое широкое – 2,7 мм, самое узкое – 1,8 мм; трещина в районе нижнего левого угла в результате воздействия коррозии
ХКМ КП 7514-3		Одиночная пластина Длина – 101,7 мм; ширина самой широкой части – 17 мм; ширина самой узкой части – 14 мм. Дугообразный изгиб в профиль по длине незначителен; имеется лёгкий волнообразный изгиб по ширине. Количество отверстий – 21. Диаметр отверстий: самое широкое – 2,5 мм, самое узкое – 1,7 мм
ХКМ КП 7514-4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 (справа налево)		Связка из семи пластин. Размер связки – 67×104 мм. Размеры и перфорация пластин аналогичны единичным образцам. Изгиб пластин в профиль по длине незначителен или отсутствует; имеется лёгкий волнообразный изгиб пластин по ширине. Сохранность остатков шнуров плетения удовлетворительная. Сохранность крепления к основе хорошая. Присутствуют два кожаных шнура, выходящих вверх из пластин № 4 и 10. На месте соединения пластин № 4, 5 два кожаных шнура, выходящих из одного отверстия вверх. На обратной стороне, на месте соединения кожаной основы и пластин № 8, 9, узел кожаного шнура. Толщина кожаного шнура – 3×2 мм

Инвентарный номер	Фото	Описание
ХКМ КП 7514-11		Одиночная пластина. Длина — 102,1 мм; ширина самой широкой части — 18 мм; ширина самой узкой части — 16 мм. Имеется изгиб от верхнего правого края. Количество отверстий — 21; диаметр отверстий: самое широкое — 2,6 мм, самое узкое — 1,8 мм. Сохранность привязки к кожаному канту хорошая (один шнур, проходящий через нижнее среднее отверстие). Присутствуют остатки кожаного шнура переплетения пластин; толщина шнура — 3×2 мм
ХКМ КП 7514-12, 13, 14, 15		Связка из четырёх пластин. Размер связки — 50×103 мм. Размеры и перфорация пластин аналогичны единичным образцам. Изгиб пластин в профиль по длине незначителен или отсутствует. Имеется лёгкий волнообразный изгиб пластин по ширине. Сохранность остатков шнуров плетения удовлетворительная. Сохранность крепления к кожаной основе хорошая. На оборотной стороне, на месте соединения пластин № 13 и 14, в шестом ряду отверстий имеется узел. Пластина № 15 выбивается из общей геометрии связки на 8 мм. Толщина кожаного шнура плетения — 3×2 мм
ХКМ КП 7514-16		Кожаный кант. Длина — 370 мм. Ширина — 40 мм. Толщина — 2—2,5 мм. Имеется частая перфорация по длине сгибов для соединения с пластинами. На левой стороне выполнены разрезы на квадратные сегменты для подгонки под отверстия крайней пластины. Правая сторона аналогична по исполнению. Нарезанные сегменты отсутствуют в результате утери части кожаного полотна; имеются следы неровного надреза

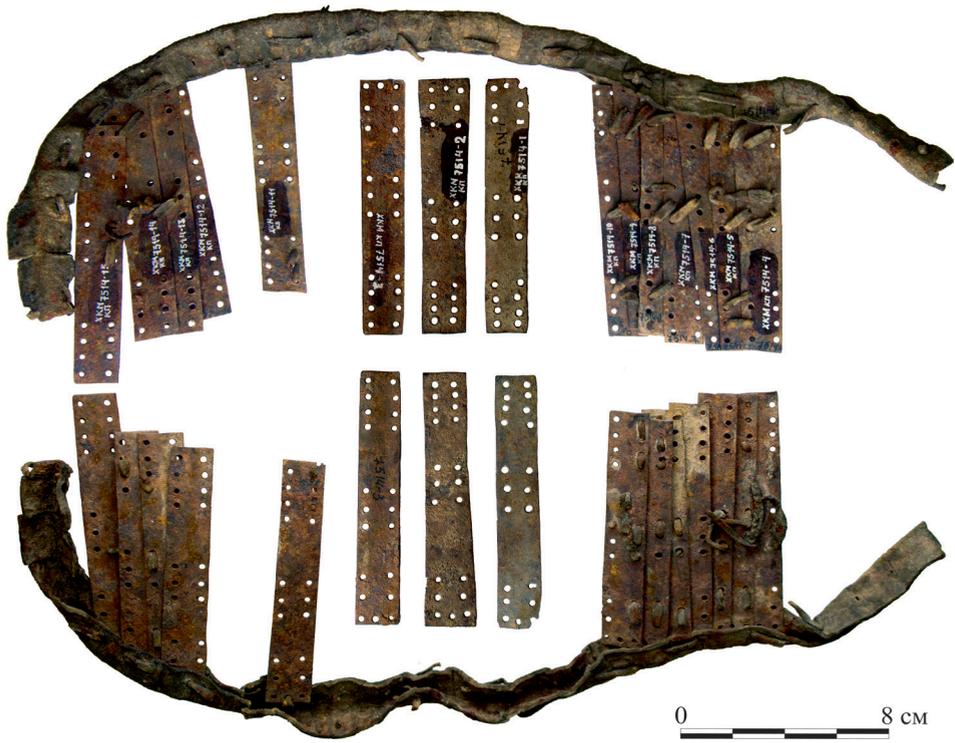
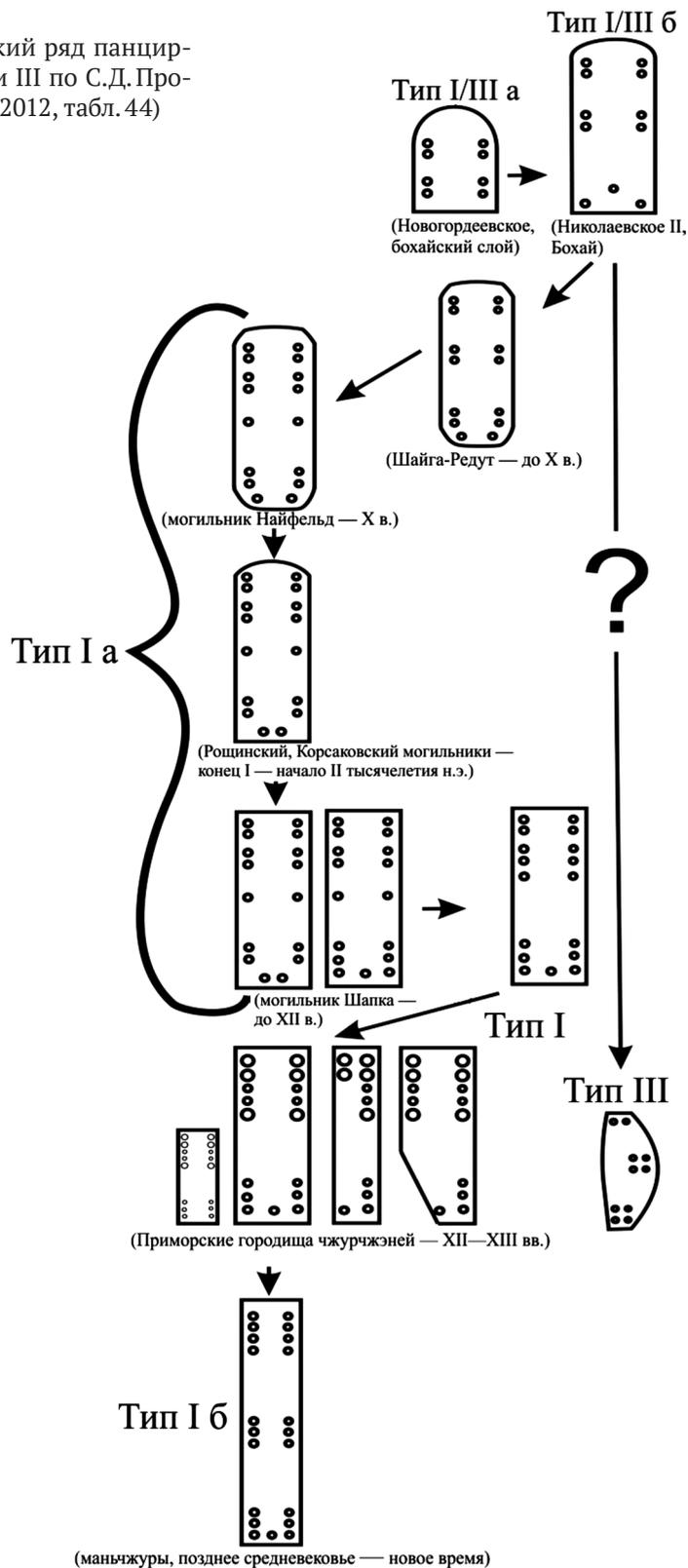

Рис. 1. Набор доспешных пластин «маньчжурского» типа из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова (номера по фондовому учёту: ХКМ КП 7514-1 – ХКМ КП 7514-1-16)

- 1) отдельные пластины (к которым относится также пластина ХКМ КП 7514-11, несмотря на то, что крепление на ней сохранилось);
- 2) первая группа пластин с сохранившимся плетением (ХКМ КП 7514-4 – ХКМ КП 1514-10);
- 3) вторая группа пластин с сохранившимся плетением (ХКМ КП 7514-12 – ХКМ КП 7514-15);
- 4) кожаный кант (ХКМ КП 7514-16).

Карточка поступления предметов датируется 1977 г. Несмотря на отсутствие иных документальных свидетельств, доподлинно известно, что материал попал в ХКМ им. Н.И. Гродекова гораздо раньше, это подтверждают сотрудники фондов. Данные предметы, судя по всему, не подвергались серьёзному разбору учёных-медиевистов из Новосибирска и Владивостока, которые в то время уже вели активную полевую и музейно-фондовую работу в Хабаровском крае (В.Э. Шавкунов, В.Е. Медведев, Ю.М. Васильев и др.). Об этом свидетельствуют как отсутствие описания данных пластин в научной литературе, так и неточно составленная подпись в карточке предмета в музейных фондах.

Рис. 2. Типологический ряд панцирных пластин. Тип I и III по С.Д. Прокопцу (Прокопец 2012, табл. 44)

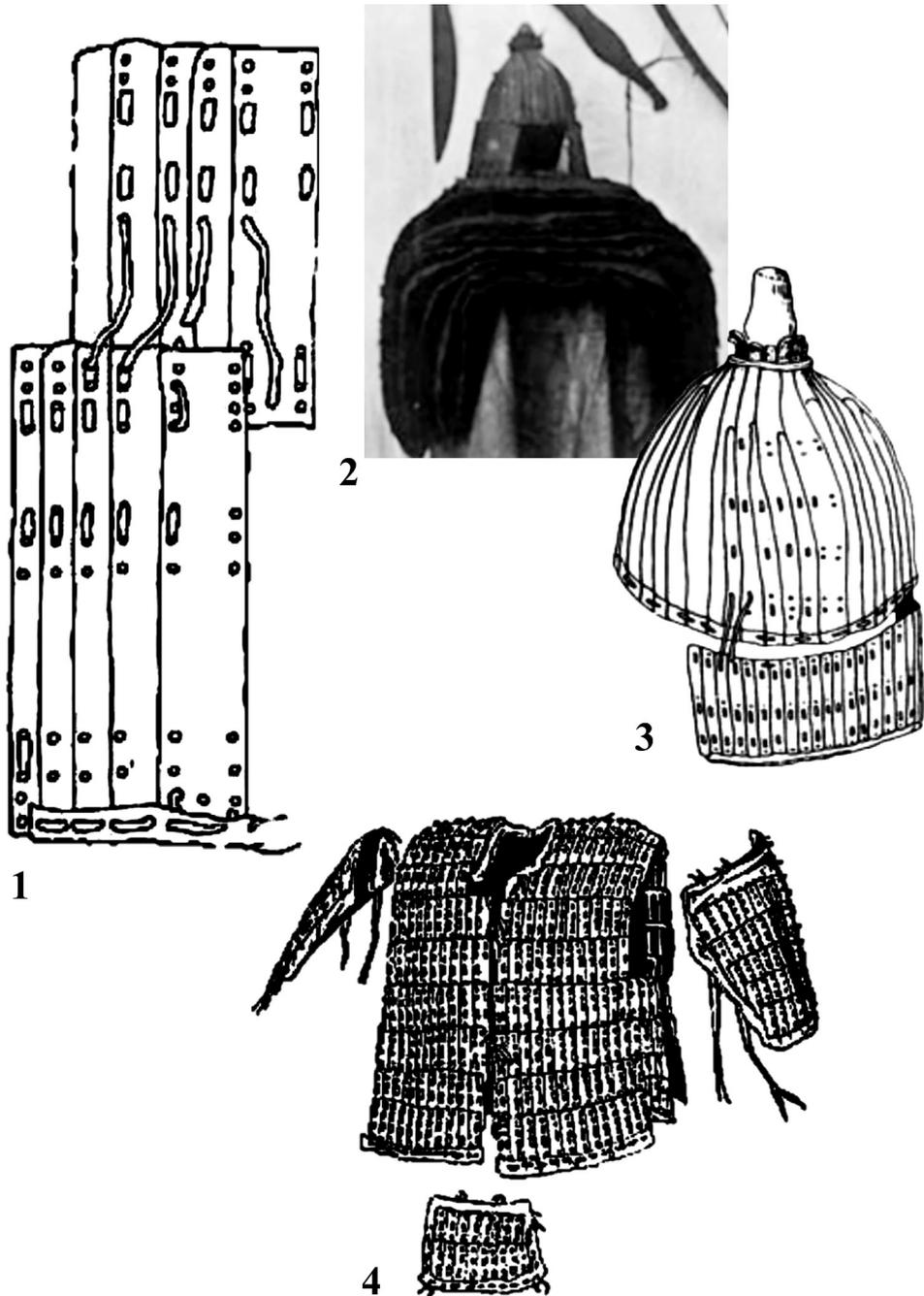

Рис. 3. Изображения пластин типа I б в различных источниках: 1 — связка пластин по Л.И. Шренку («часть древней маньчжурской кольчуги»); 2 — фотография утерянной экспозиции из г. Николаевска-на-Амуре, в том числе предметов вооружения; 3 — графическое изображение «гиляцкого» шлема по Л.И. Шренку с бармицей из пластин типа I б; 4 — графическая реконструкция панциря из пластин типа I б (автор реконструкции — Л.А. Бобров)

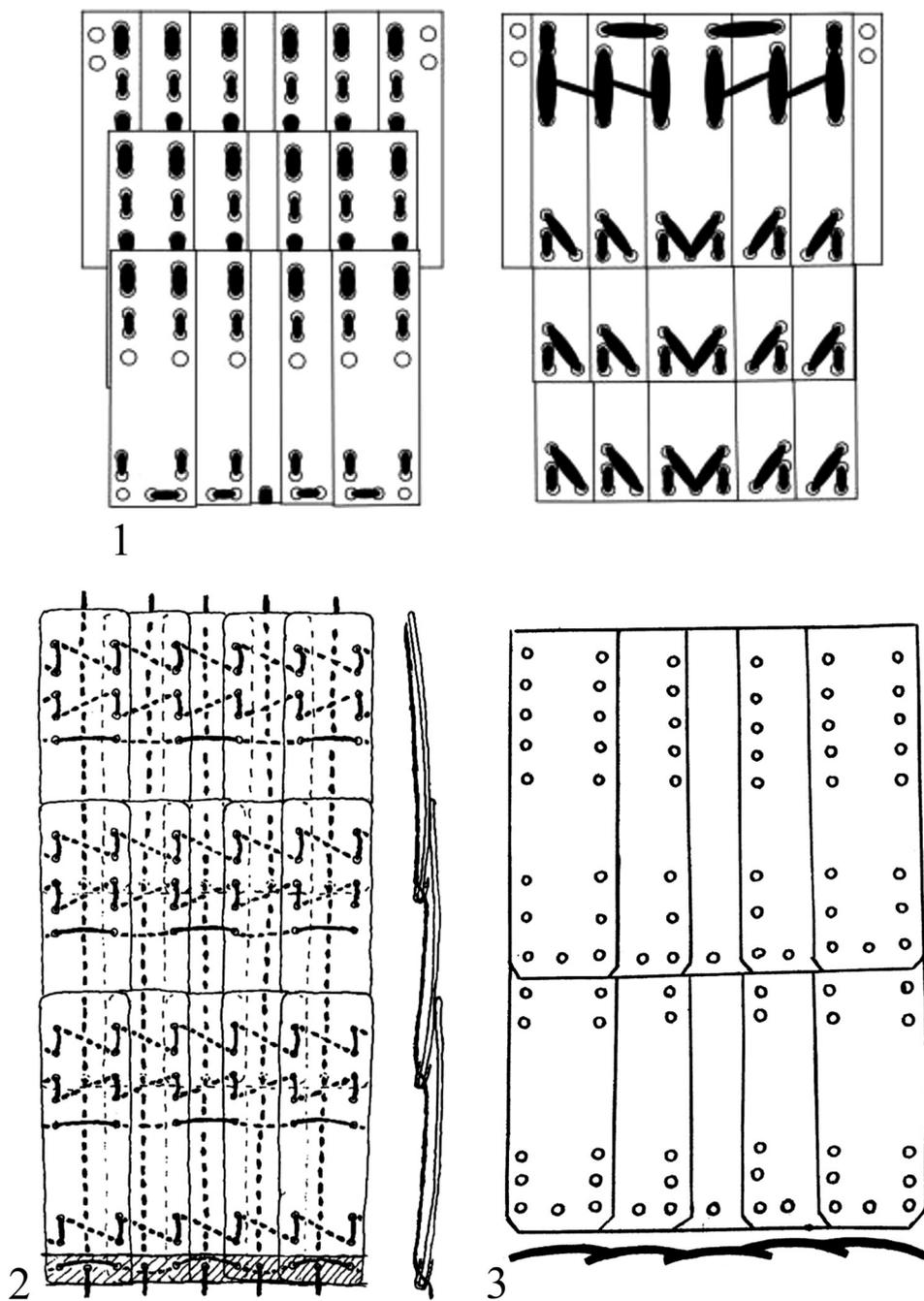

Рис. 4. Схема связки чжурчжэньских панцирных пластин типа I: 1 — схема связки по С.Д. Прокопцу; 2 — схема связки по Э.В. Шавкунову; 3 — схема связки по Н.Г. Артемьевой

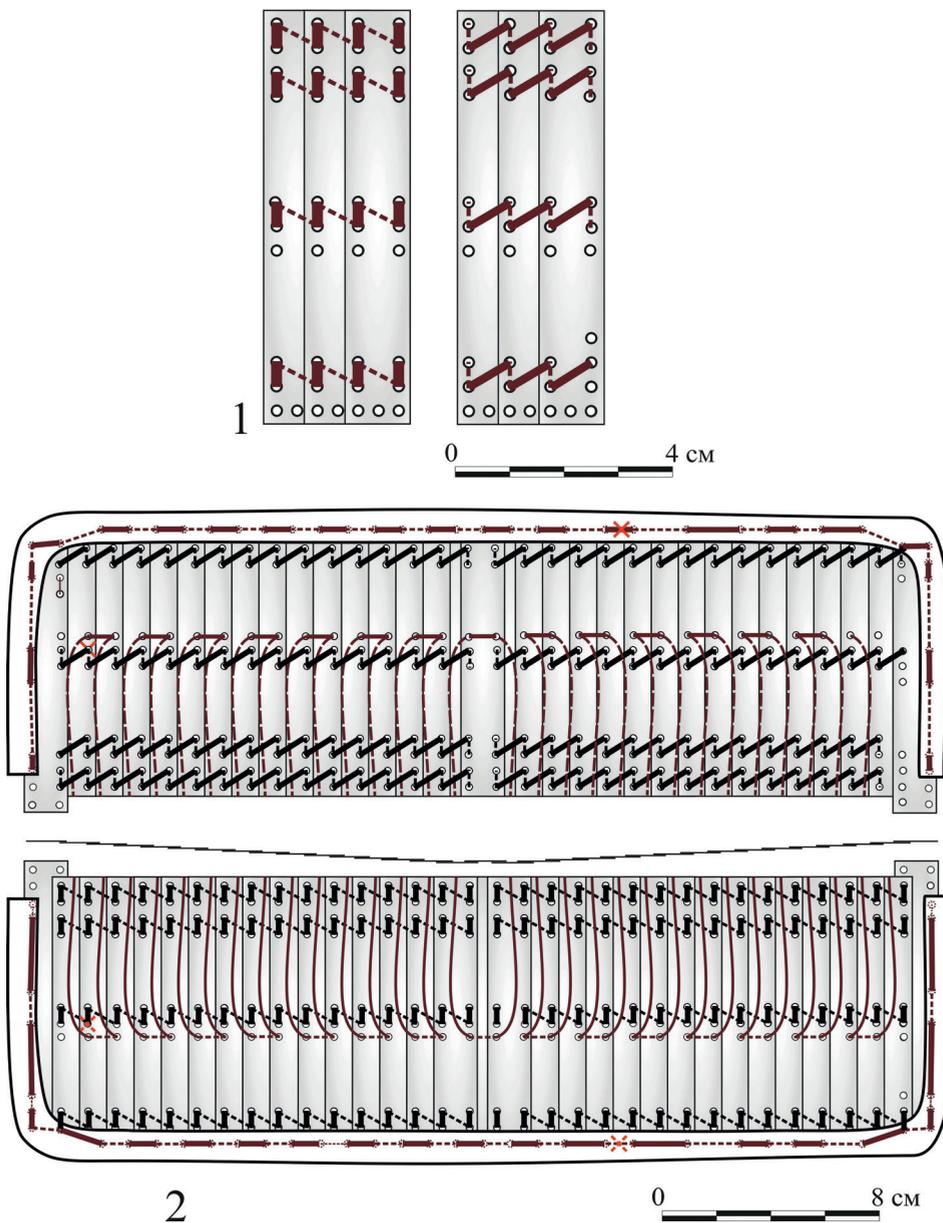

Рис. 5. Схема переплетения пластин: 1 — графическая реконструкция-схема переплетения пластин; 2 — графическая реконструкция-схема (версия) ряда пластин (красные кресты — места расположения сохранившихся узлов)

Предметы там обозначены как «часть древней маньчжурской кольчуги», что дословно повторяет определение А.П. Сильницкого⁸ и Л.И. Шренка⁹ (Шренк 1899: табл. 44). Однако в 1970-х гг. термин «пластинчатый доспех» уже был довольно распространён в научной литературе, поэтому имеется высокая вероятность того, что работники фондов переписали название предмета со старой инвентарной карточки, которая была утилизирована или утеряна. Также доподлинно известно, что пластины отсутствовали в экспозициях ХКМ им. Н.И. Гродекова, посвящённых археологии и этнографии в 1970-е гг.¹⁰ Каких-либо свидетельств о выставлении данных артефактов в более ранних вариантах экспозиций музея тоже не обнаружено.

СОХРАННОСТЬ

Первое, на что мы сразу можем обратить внимание, — хорошее состояние предметов, которые этим резко отличаются от артефактов похожего типа, найденных на поселениях и могильниках эпохи раннего средневековья. Несмотря на то, что пластины подверглись определённому воздействию коррозии, её влияние на структуру металла не было критичным. Цельность периметра пластины, контуры изделия и окружность отверстий не нарушены; коррозионная корка практически отсутствует; разрушений, трещин и сильного истончения металла не наблюдается; хорошо видны отверстия, их количество и характер изготовления. Явные следы консервации и реставрационных работ отсутствуют.

Обращает на себя внимание очень хорошая сохранность кожаных элементов: сильных следов гниения или других процессов разложения не наблюдается. Это может быть обусловлено более молодым возрастом кожаной фурнитуры, изготовленной для повторного переплетения пластин. Однако следы от кожаных шнуров на них свидетельствуют о том, что короткий период археологизации или хранения в несоответствующих условиях металлические и кожаные части «прошли» вместе.

⁸ На труд А.П. Сильницкого (Сильницкий 1989) при описании предметов из Корсаковского тайника в свою очередь ссылался В.Е. Медведев, подчёркивая при этом ошибочность подобного определения (Медведев 1983: 178).

⁹ При этом сам Л.И. Шренк также часто называет данный доспех металлическим панцирем (Шренк 1899: 258).

¹⁰ Повторный приём в фонды 1977 г. с некоторой долей вероятности мог быть связан с масштабной ревизией коллекции в музее в 60-х гг. XX в. (Васильев 2006: 11—12). Несмотря на определённую вероятность того, что данные пластины являются частью утерянной экспозиции из г. Николаевска-на-Амуре, проверить эту догадку на сегодняшний день не представляется возможным.

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ

В целом все пластины комплекса имеют схожую форму, размеры и перфорацию. Представленная в наличии часть позволяет утверждать, что ряд (или целое изделие) не состоял из разнотипных пластин, как, например, доспех из Татарских могил (Горбунов 2002).

Длина пластин — 102 мм без видимых погрешностей; средняя ширина — 15–16 мм с максимальной погрешностью до 5 мм в большую сторону. Несмотря на то, что форма пластин «стремится» к прямоугольнику, в большей части случаев мы наблюдаем сильное сужение к центру и расширение к краям в результате определённых особенностей нарезки сегментов.

На каждой пластине 21 отверстие, ряды которых расположены параллельно вдоль периметра: два ряда по четыре отверстия — в верхней части, два ряда по три отверстия — в центральной, два ряда по три отверстия — в нижней (рис. 6: 1). Среднее расстояние между рядами — 7 мм. Среднее расстояние от периметра пластины до ряда отверстий — 2 мм. Ещё одно отверстие находится между нижними рядами, также ближе к периметру. Диаметр отверстий — 2,5 мм с погрешностью от 0,1 до 0,5 мм в меньшую сторону. Расстояние между отверстиями неодинаково: максимальное — 6 мм, минимальное — 2,5 мм.

Толщина пластин составляет 1 мм. Погрешности толщины практически нет.

Дугообразный изгиб пластин в профиль либо отсутствует, либо незначителен и, судя по всему, является намеренным результатом изготовления. Все явные неровности плоскости (изгиб пластины ХКМ КП 7514-11) — результат более позднего воздействия (рис. 6: 5).

Каждая пластина в связках имеет лёгкий волнообразный изгиб в профиль по ширине (рис. 7: 8). Судя по положению сегментов в ряду, это результат сильного давления на группу пластин в результате возможной археологизации. Несмотря на то, что тип металла нам неизвестен, можно предположить, что использовался довольно мягкий чёрный металл с низким содержанием углерода, который по своим техническим характеристикам не предназначался для изделий подобного типа.

Длина кожаного канта составляет приблизительно 370 мм, длина отрезка кожаного канта, переплетённого с нижней частью пластин, — 340 мм, ширина — около 40 мм, толщина кожи — 2 мм, толщина кожаных шнуров переплетения — 2 мм.

Видимых остатков и отпечатков полотна ткани или кожи на поверхностях пластин не фиксируется. Кожаная или матерчатая основа с большой вероятностью отсутствовала.

Данные образцы имеют все характерные черты пластин типа I, подтипа б, которые относят к эпохе позднего средневековья и нового

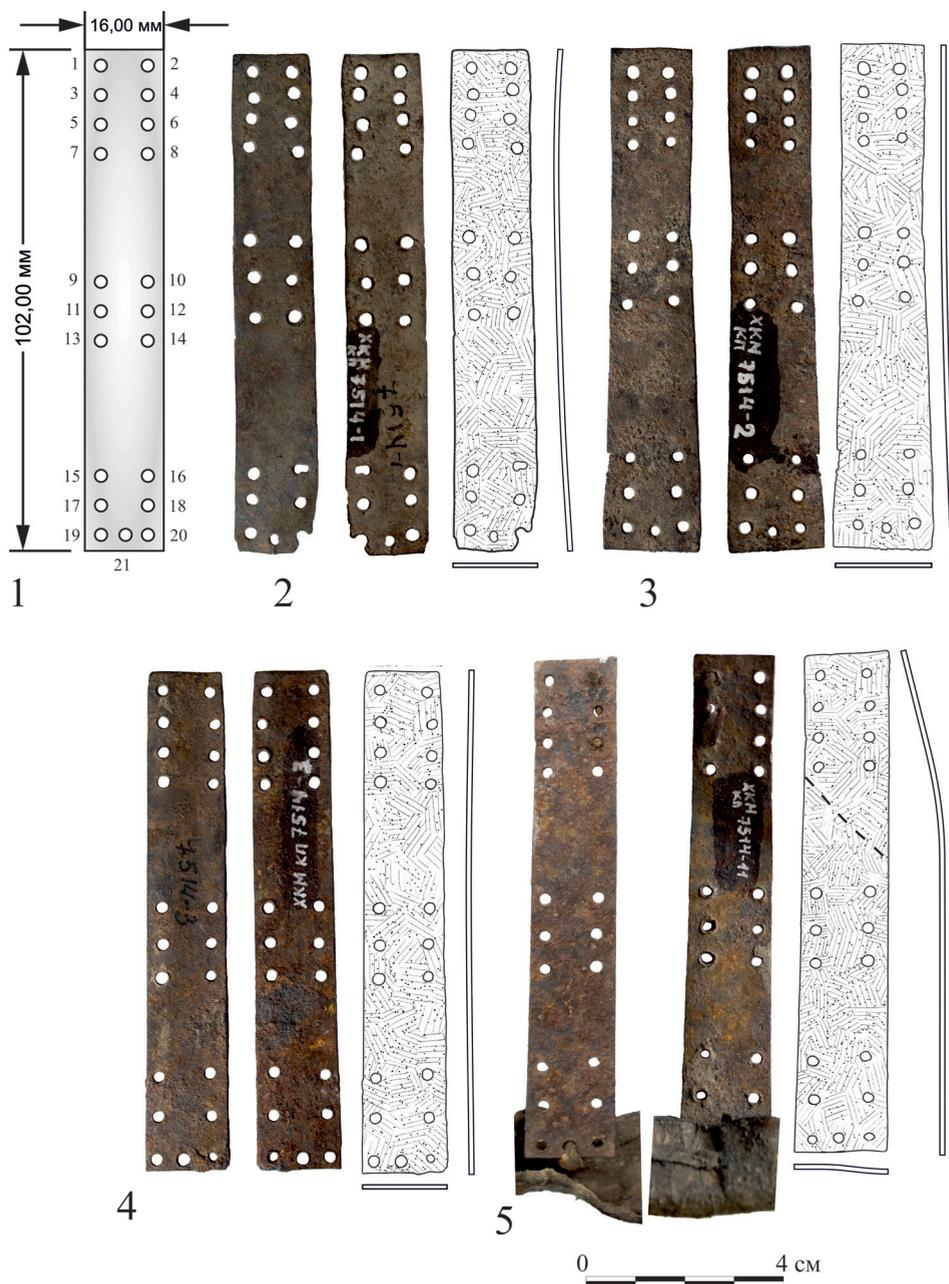

Рис. 6. Отдельные пластины набора: 1 — графическая схема пластины типа I б из имеющегося комплекса со средними значениями размеров; 2 — отдельная пластина ХКМ КП 7514-1; 3 — отдельная пластина ХКМ КП 7514-2; 4 — отдельная пластина ХКМ КП 7514-3; 5 — отдельная пластина ХКМ КП 7514-11

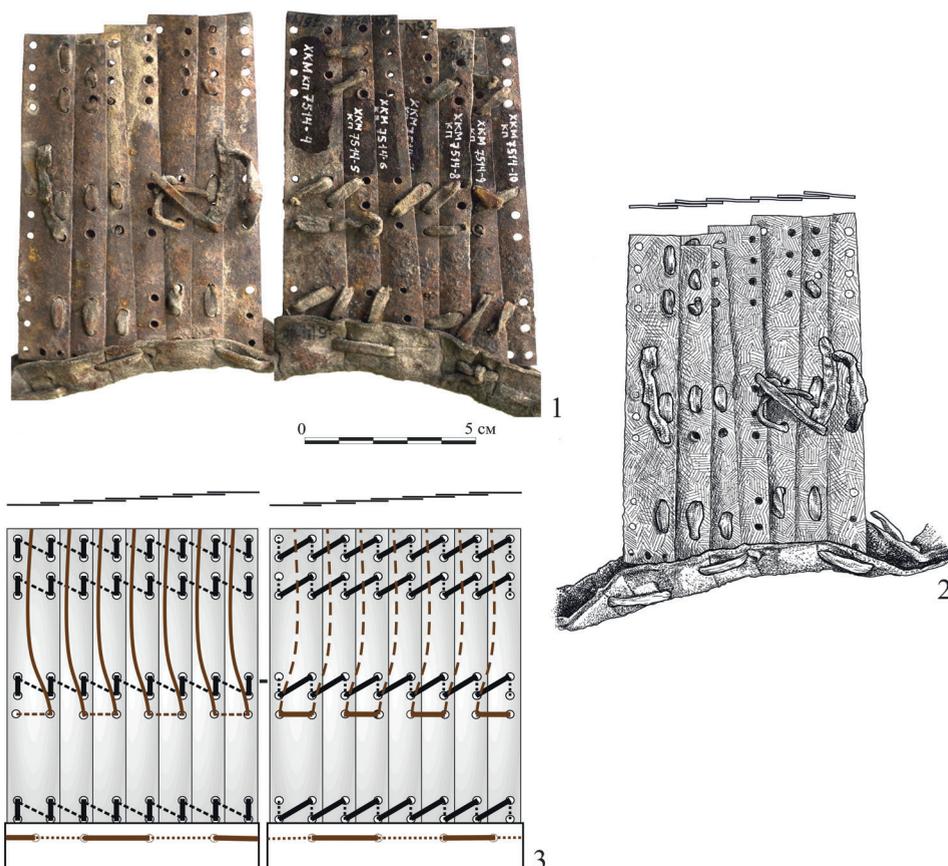

Рис. 7. Сохранившийся фрагмент связки пластин на кожаной фурнитуре (номера по фондовому учёту: ХКМ КП 7514-4 – ХКМ КП 7514-10): 1 – фотография связки пластин; 2 – графическое изображение лицевой части; 3 – графическая реконструкция-схема переплетения фрагмента (версия)

времени и связывают с маньчжурским влиянием (рис. 2) (Прокопец 2012: 58). Единственным несоответствием является количество рядов отверстий в нижней части пластины¹¹.

ХАРАКТЕР ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Смоделированный на основании исследований и положений о чёрной металлургии Приморья¹² алгоритм изготовления ламеллярных пластин таков: первичная отковка большой пластины, раскройка

¹¹ На имеющихся прорисовках Л.И. Шренка и Л.А. Боброва чётко видны четыре отверстия (рис. 3: 1) (Шренк 1899; Бобров, Худяков 2003), в то время как на схеме С.Д. Прокопца – только три (рис. 2) (Прокопец 2012: 157).

¹² При моделировании данного алгоритма С.Д. Прокопец руководствовался основными положениями материалов о металлургии и металлообработке чжурчжэньских городищ Приморья (Прокопец 2012: 68).

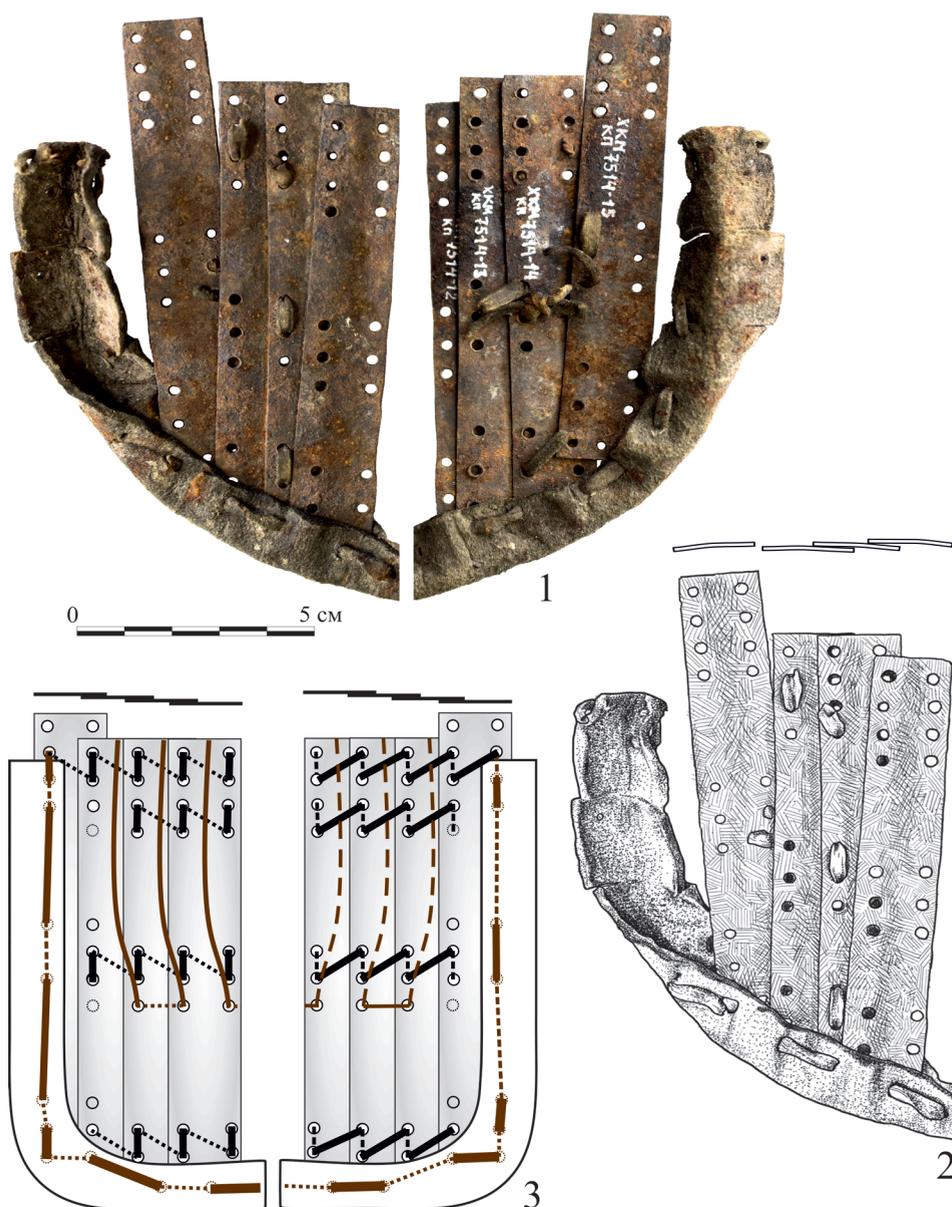

Рис. 8. Сохранившийся фрагмент связки пластин на кожаной фурнитуре (номера по фондовому учёту: ХКМ КП 7514-12 – ХКМ КП 7514-15): 1 – фотография связки пластин; 2 – графическое изображение лицевой части; 3 – графическая реконструкция-схема переплетения фрагмента (версия)

на отдельные прямоугольные сегменты, доводка (опиливание) до примерно одинаковой ширины после раскроя¹⁵. Как отмечается, погрешность пластин «в их формах практически минимальная и составляет

¹⁵ Об этом свидетельствует наличие большого количества напильников, например на Шайгинском городище (Леньков 1974: 105).

не более одного, редко двух миллиметров» (Прокопец 2012: 69). Запас материала для последующей слесарной доработки оставлялся обязательно.

В рассматриваемом нами случае форма хоть и стремится к классическому прямоугольнику, но следов доводки или хотя бы минимального опилования раскrojенных пластин, какой-либо обработки краёв и углов не наблюдается (рис. 6; рис. 9: 3). Таким образом, погрешность в ширине одного и того же сегмента может достигать от 3 до 5 мм.

Отсутствие сильных неровностей и погрешностей нарезки металла периметра пластин по ширине (в отличие от значений погрешности длинной части, составляющих до 5 мм) позволяет утверждать, что раскройка и нарезка сегментов осуществлялись поперёк из длинной металлической заготовки шириной 102 мм.

Минимальная погрешность толщины, почти полное отсутствие неровностей поверхности, а также отсутствие явных следов работы кузнечным инструментом позволяют предположить, что мастер не занимался отковкой первичной пластины самостоятельно. Вероятнее всего, использовалась готовая металлическая полоса «прокатного типа» или готовое металлическое изделие¹⁴. Разрезание на сегменты оставило ярко выраженные неровности по длине прямоугольника пластины ближе к центру (рис. 6: 2–4).

Также стоит обратить пристальное внимание на отверстия, большая часть которых правильной круглой формы. Технология изготовления «предполагает применение сверла для расширения диаметра отверстия, в то время как бородок используется лишь для намётки» (Прокопец 2012: 69). Необработанные следы сверления у преобладающего числа отверстий чётко фиксируются как с лицевой части, так и с обратной стороны, что является нехарактерной чертой для большинства ламеллярных пластин (рис. 9: 1).

Некоторые отверстия имеют признаки повторного сверления (или пробития), которое не попадало в первую намётку, из-за чего их вид напоминает две или более пересекающиеся окружности (рис. 9: 8). Отметим, что «часто отверстия для шнура намеренно делались намного шире» (Прокопец 2012: 69). И в данном случае повторная перфорация была применена, по всей видимости, именно для расширения диаметра. Является ли это следами ремонта или более поздними доработками неизвестно, однако мы можем утверждать, что это не результат воздействия коррозии.

Учитывая вышеизложенное, есть все основания полагать, что мы имеем дело с продуктом исключительно «слесарной», а не кузнечной работы.

¹⁴Подобным способом «холоднойковки» изготавливали свои доспехи воины севера Дальнего Востока (чукчи, коряки), из-за чего продажа металлических изделий местным племенам долгое время была ограничена (Нефёдкин 2003: 137–138).

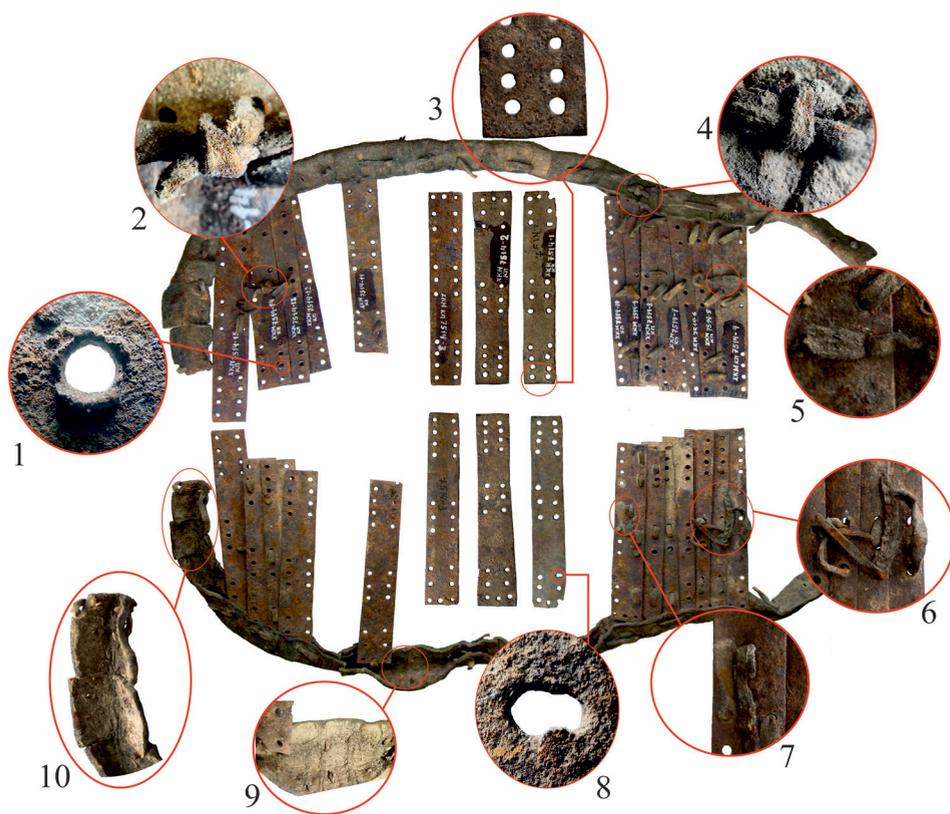

Рис. 9. Отдельные особенности набора пластин: 1 — одно из многих отверстий с необработанными следами перфорации; 2 — узел на связке пластин ХКМ КП 7514-12 — ХКМ КП 7514-15; 3 — необработанные острые углы отдельной пластины; 4 — узел на месте крепления связки пластин ХКМ КП 7514-4 — ХКМ КП 7514-10; 5 — два шнура в одном отверстии; 6 — остатки сохранившихся длинных шнуров плетения; 7 — отпечаток кожного шнура на поверхности пластины; 8 — одно из отверстий со следами повторной перфорации; 9 — следы песка на внутренней стороне кожного канта; 10 — фрагмент кожного канта, нарезанный на сегменты для выполнения ггиба

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ: ОПИСАНИЕ И МОДЕЛИРОВАНИЕ РЯДА ПЛАСТИН

Помимо отдельных пластин, присутствует достаточно редкий в широтах Приамурья набор с сохранившимся переплетением в виде кожного шнура, а также канта из толстой (2—2,5 мм) кожи для фиксации границы части доспеха. Есть даже отдельные «узелки», обозначающие окончание отрезка кожного шнура или являющиеся следами возможного ремонта. Благодаря сохранившемуся креплению пластин к кожаному канту мы понимаем, каким образом должны быть ориентированы отдельные пластины.

Ширина одной пластины — 1,5 мм, нахлёст составляет около 5 мм, т.е. из соответствия сохранившихся связок (4 пластины — 40 мм, 7 пластин — 70 мм) можно рассчитать длину ряда пластин, исходя из расчёта 10 мм — одна единица. Учитывая длину оставшегося кожного канта (370 мм) и его отрезка для крепления пластин (340 мм), логично определить количество пластин в ряду как 33¹⁵.

При этом стоит обратить внимание на то, что крайние пластины в ряду располагаются под предыдущими. Каждая следующая, таким образом, оказывается сверху. Это значит, что данный ряд набирался от одной, первой, пластины в две стороны, а не от крайней правой или левой. С большой вероятностью первая пластина располагалась по центру, по аналогии с чжурчжэньской сборкой (рис. 4) (Артемьева 1999; Прокопец 2012: 157).

Крепление ряда пластин преимущественно представляет собой стандартное плетение ламеллярного доспеха: на лицевой части плетение шнура направлено горизонтально вниз, на оборотной стороне — наискосок вправо по схеме номеров отверстий пластины (3-1-4-2, 7-5-8-6, 11-9-12-10, 17-15-18-16) (рис. 5: 1).

Также мы можем отметить отсутствие единой системы плетения в ряде мест, в том числе из-за узлов, которые являются вероятными следами ремонта (рис. 9: 2, 4). Так, например, крепление к кожаному канту проходит через отверстия пластин нижнего ряда — либо отверстие № 21 (на схеме центральное) (рис. 7), либо отверстие № 19 (крайнее) (рис. 8).

Признаки или следы крепления пластин к другому ряду с помощью нижнего или верхних рядов отверстий отсутствуют, так как следы межпластинного плетения сохранились с обеих сторон изделий. Однако от одного из рядов отверстий в середине пластины мы можем наблюдать серию восходящих «вверх» обрывков длинных шнуров, которые не имеют связи (насколько возможно судить по фрагментам) с имеющимися отверстиями (рис. 9: 6). Данные обрывки имеют строго горизонтальное плетение на обратной стороне, это позволяет предполагать, что именно эти отверстия использовались для крепления ряда «по вертикали». Каким образом — пока определить затруднительно, поскольку имеющиеся следы плетения совпадают с зарисовками Л.И. Шренка лишь частично.

Также необходимо обратить внимание на исполнение кожного канта, скрепляющего пластины. Кожаная полоса не обрезана по краю последней пластины ряда: сделаны надрезы, чтобы «согнуть» кант для соединения с широкой стороной пластины ХКМ КП 7514-15, которая, по всей видимости, является крайней в ряду (рис. 9: 10). Подобный сгиб образовал как нахлёст кожаных сегментов, так и «складки» в виде гармошки.

¹⁵ Это почти равно бармице шлема из Красноярского городища, где 31 пластина (Артемьева 1999: 117).

Из-за подобного исполнения крайняя пластина выбивается из ряда, ломая геометрию прямоугольника (рис. 8). Другой конец кожаного канта не имеет следов гниения, на нём так же чётко видны следы надреза, аналогичного тем, что были сделаны на другой стороне для загиба толстой полосы кожи. На этом месте ясно прослеживаются следы подрезания и отрыва сегмента, который держался на достаточно тонком фрагменте. Из-за подобного исполнения имеются все основания предполагать, что крайняя правая пластина тоже выбивалась из общей прямоугольной геометрии ряда (рис. 5: 2).

Таким образом, можно утверждать, что перед нами почти вся используемая полоса кожи для крепления имеющихся пластин, за исключением оторванного фрагмента. Загиб канта ряда с двух сторон свидетельствует о вероятном намерении мастера сделать лишь один ряд.

Целый доспех из подобных пластин Л.И. Шренку увидеть, по его признанию, не удалось (Шренк 1899: 258). Возможную версию того, как они могли служить частью доспеха кроя типа «жилет» с наплечниками и лапами для защиты бёдер, согласно описаниям А.П. Сильницкого¹⁶ и зарисовкам Л.И. Шренка, представили Л.А. Бобров и Ю.С. Худяков (рис. 3: 4) (Бобров, Худяков 2003: 192—193). Однако перед нами с высокой степенью вероятности не фрагмент защиты корпуса или конечностей, а один-единственный ряд, который больше напоминает бармицу «гилякского шлема» (рис. 3: 3) (Шренк 1899).

ВОЗРАСТ ПЛАСТИН, ВОЗМОЖНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

К сожалению, приблизительный возраст и культурную принадлежность пластин определить не представляется возможным, так как происхождение в фондах ХКМ им. Н.И. Гродекова неясно: связи с известными объектами археологического наследия не прослеживается, никаких записей о факте обнаружения не имеется. Единственная запись об учёте — уже упомянутая карточка поступления 1977 г., которая также не проливает свет на происхождение предметов.

Тем не менее мы можем выдвинуть ряд предположений. Для этого необходимо оттолкнуться от следующих фактов:

1) По форме и размеру изделий, количеству и расположению отверстий данные пластины можно отнести к типу I, подтипу б, который С.Д. Прокопец связывает с маньчжурским влиянием и относит

¹⁶ На описание А.П. Сильницкого ссылается в свою очередь В.Е. Медведев: «...Пластинки панциря тонкими ремешками прикреплялись к толстым ремням из кожи сивуча, в результате чего получалась „чешуйчатая до одного пуда весом рубаха, надеваемая так же, как и обыкновенная рубаха“. Панцирь, закрывавший наполовину руки и туловище до половины живота, очень гибок и не мешает движениям» (Медведев 1983: 178).

к эпохе позднего средневековья и нового времени (рис. 2) (Прокопцев 2012: 157). Рассмотренные пластины из фондов ХКМ им. Н.И. Гродекова по форме, размерам, количеству и расположению отверстий почти полностью совпадают с зарисованными и описанными Л.И. Шренком образцами, за исключением количества отверстий в нижней части (рис. 3: 1) (Шренк 1899).

Вероятная «крайняя граница изготовления доспехов из подобных пластин определяется XV—XVII вв.» при условии, что их использовали как часть боевого доспеха (Бобров, Худяков 2003: 145; Прокопцев 2012: 58). В данном случае мы склонны определить вероятный период изготовления как конец XVIII — начало XIX в. В основном из-за хорошей сохранности как самих пластин, так и кожаного материала.

2) Исследования защитного снаряжения народов Северо-Восточной и Центральной Азии показывают, что «после монгольского завоевания число ламеллярных панцирей неуклонно уменьшается, уступая место более совершенным и практичным доспехам куячного типа» (Бобров, Худяков, 2002: 144). Подобная тенденция, вероятно, была связана с центральноазиатским влиянием и развитием металлообработки, которая к тому времени достигла качественно нового по сравнению с XIII в. уровня. Это позволило изготавливать защитное снаряжение более массово и качественно, но тем не менее оно всё равно оставалось очень дорогим. Ценность же такого снаряжения для народов, проживавших к северу от Амура, трудно переоценить¹⁷.

Существуют свидетельства, что доспехи данного типа могли оставаться на вооружении местных племён Приамурья вплоть до конца XVII в. В некоторых других регионах Дальнего Востока (Чукотка, побережье Охотского моря) — до конца XIX в. (Прокопцев и др. 2018). При этом возможность того, что рассмотренные предметы являются более современным «новоделом», отсутствует.

3) Характер сохранности пластин и кожаного переплетения не позволяет утверждать, что данные образцы подвергались длительному процессу археологизации. Хорошо сохранившийся периметр изделия, плоскость без истончения и трещин, кожаная фурнитура без ярких следов разложения и гниения свидетельствуют либо о непродолжительном пребывании в опесчаненной почве (рис. 9: 9) (песок, супесь и пр.), либо о том, что предмет никогда не попадал в культурный слой.

Данный тезис косвенно подтверждается некоторыми исследователями: «Остатки ламеллярного панциря (гил. „выч-пэч“) хранились в состоятельных гилияцких семьях, подчёркивая их богатство и значимость среди соплеменников. Являясь классическим „антиквариатом“, панцирные пластины, тем не менее, крайне высоко ценились

---

¹⁷ Упоминание о стоимости доспеха среди племён Приамурья есть в работе Л.И. Шренка (Шренк 1899: 259), неоднократные свидетельства ценности защитного снаряжения присутствуют в чжурчжэньских летописях (Бобров, Худяков 2003; Прокопцев 2012).

туземцами»¹⁸. Это было вызвано тем, что они воспринимались гиляками как раритет (показатель зажиточности), «передавались от отца к сыну и имели иноземное происхождение» (Бобров, Худяков 2003). Поэтому сохранившийся кожаный кант вполне может быть намного младше пластин и являться продуктом более позднего, повторного, переплетения пластин, ставших «семейной ценностью».

4) О принадлежности рассмотренных пластин к «палеоэтнографическому» периоду истории Приамурья также может свидетельствовать и характер их изготовления. По сравнению с более ранними образцами с чжурчжэньских городищ Приморья, могильников Приамурья эпохи средневековья и даже раннесредневековых памятников мохэ и Бохая, изготовление данных пластин (конечно, с определённой долей субъективности) можно охарактеризовать как неаккуратное, или кустарное.

Отметим тот факт, что на пластинах из могильника Шапка (Нестеров, Слюсаренко 1993: 191—192), на мохэских (Деревянко 1987: 213—224) и большинстве бохайских пластин (Вэй Цуньчэн 2008: 206; Шавкунов 1994: 103; Чжун Сук-Бэ 2013: 132) углы либо срезаны под трапецию, либо закруглены. Даже на прямоугольных чжурчжэньских пластинах типа I массового потокового производства слегка обработан периметр для сведения остроты фасок и отверстия (Прокопец 2012: 156—160).

В данном же случае мы не наблюдаем следов ручной доработки раскроенных сегментов и просверленных отверстий (рис. 6; рис. 9: 1). Также обращает на себя внимание толщина каждой пластины и относительная мягкость используемого чёрного металла, который по своим характеристикам не сильно подходит для изготовления защитного снаряжения. Все эти особенности не подтверждают факт производства данных предметов маньчжурскими мастерами, поставлявшими свои изделия цинским отрядам (у которых были соответствующие требования к качеству снаряжения).

Помимо техники изготовления, не соответствующей всеобщему уровню и требованиям своего времени в регионе, стоит упомянуть тот факт, что даже в XVII в. хороших мастеров едва хватало, чтобы покрыть потребности армий маньчжурских военачальников (Бобров, Худяков 2003). Возможность того, что оружейники или даже купцы поставляли столь ценный товар в обход официального учёта на экспорт племенам Нижнего Амура (даже несмотря на перспективу личного обогащения), крайне мала.

Тем не менее мы считаем возможным регионом происхождения территорию Северного Китая в границах до Айгуньского и Пекинского договоров, в ареалах проживания некитайского и неманьчжурского коренного населения.

¹⁸ Данной цитатой авторы работы ссылаются на того же Л.И. Шренка (Шренк 1899: 259).

5) В исследованиях упоминается, что нивхи знали кузнечное дело с применением мехов и слабого горна, однако Л.И. Шренк описывает только ограниченное изготовление ими вооружения и не упоминает о производстве доспехов. Отметим, что последнее не было повсеместным для кузнецов ни в Европе, ни в Азии и являлось прерогативой отдельных мастеров-доспешников¹⁹.

Согласно Л.И. Шренку, «по единодушному мнению гияляков, железные ламеллярные панцири попали к ним из Маньчжурии, где они „тоже высоко ценятся“» (Шренк 1899: 259). Даже если эти пластины когда-то оказались в роду «гияляков» в результате торгового обмена, в том числе через третьи руки, их происхождение всё равно считалось «иноземным» («маньчжурским») по причине того, что нивхи не производили собственных доспехов из металла. В то время как «гольды на Сунгари... тоже научились изготавливать железные латы от маньчжуро-китайцев» (Шренк 1899: 259).

Поэтому, несмотря на неясное прошлое рассмотренных артефактов, у нас есть все основания сделать предположение о «нижне-амурском» производстве данных пластин, о чём дополнительно свидетельствует кустарный характер изготовления предположительно непрофильным мастером.

6) К моменту написания монографии Л.И. Шренком (вторая половина XIX в.) среди нивхов «латы совсем уже вышли из употребления, и только изредка встречались отдельные части их...» (Шренк 1899: 259). Свидетельств использования в то время доспехов любого типа в Приамурье также не фиксируется. Это не значит, что они не могли быть изготовлены ранее и позже стать «антикварским предметом» (Шренк 1899: 259). По многочисленным свидетельствам, данные предметы являлись символом достатка и передавались в семье многие поколения, т.е. такие пластины вполне могли быть изначально изготовлены как объект продажи (антиквариат или символ), а не как составляющая боевого доспеха.

Не исключена также возможность, что их создали специально для погребального ритуала, в качестве символизации части доспеха (Васильев 2006: 169). Однако, что характерно для «палеоэтнографических» памятников Приамурья, до сих пор в погребениях данного периода находили исключительно предметы быта и вооружения (топоры, наконечники копий, наконечники стрел), а не защитного снаряжения (Васильев 2006; Шиповалов и др. 2018).

Таким образом, перед нами ранее не описанная и введённая в научный оборот лишь в графическом виде часть защитного снаряжения эпохи позднего средневековья / нового времени в очень

¹⁹ «В этот период среди чжурчжэньских оружейников существовала чёткая специализация, которая была намечена ещё в ранний цзиньский период. Так, в столице Нурхаци, г. Фэйала (столица до 1603 г.), имелось 16 мастеров по изготовлению доспехов. Все они маньчжуры...» (Бобров, Худяков 2003: 126).

хорошем состоянии: набор отдельных пластин, а также сплетённая часть доспеха с сохранившимся кожаным кантом.

С высокой долей вероятности данные пластины относятся к так называемому палеоэтнографическому периоду истории Приамурья. Возможные временные границы изготовления: конец XV—XVIII в. (при условии боевого использования, что маловероятно) или конец XVIII — начало XIX в. Кустарный характер изготовления не позволяет говорить о прямом производстве маньчжурскими, даже непрофильными, кузнецами. Скорее всего, к анализируемым изделиям приложили руки мастера племён Нижнего Амура, знакомые с основами металлообработки, уровень развития которой был заметно ниже, чем в Китае XVII—XVIII вв. в целом. Данная часть кустарно изготовленного ламеллярного доспеха с большой долей вероятности не подвергалась длительному процессу археологизации. После прекращения использования в боевых целях или более вероятного отсутствия такового стала имуществом одного из родов коренного населения Нижнего Амура или частью погребального инвентаря.

Точнее сказать, в чьи руки попали пластины после изготовления и в каком качестве использовались, не представляется возможным из-за отсутствия истории артефактов.

Результаты исследования указанных предметов являются небольшим, но важным дополнением к уже существующему, пусть и сравнительно небольшому, объёму информации о периоде истории Приамурья (с середины XIII по начало XIX в.), который Ю.М. Васильев метко охарактеризовал как «глухой» (Васильев 2000).

К сожалению, системного изучения археологами материальной культуры данного времени не проводилось до сих пор. Тем ценнее существующие работы, которые постепенно дополняют неясную историческую картину того периода:

- описание материалов позднесредневекового могильника Дрофа с приведённой историографической справкой по исследованиям других палеоэтнографических могильников (Васильев 2006; Шиповалов и др. 2018);
- работы по изучению могильника Дубовая Рёлка, в результате которых памятник был обследован и впоследствии получил окончательную датировку (Васильев 1974);
- обнаруженный нанайский могильник в устье р. Тунгуска, датированный В.Е. Медведевым серединой XIX — началом XX в. (Медведев 1979);
- исследования могильника Чирки: часть погребального инвентаря была датирована XII—XIV вв., а другая — отнесена к «этнографическому времени» с довольно размытыми датировками (Копытько 2004);
- раскопки захоронения в заливе Баня (Краминцев 2011): был обнаружен не только комплекс предметов, по которому датировали

- памятник, но и остеологический материал, позволивший выполнить реконструкцию лица женщины из погребения (Киселёв 2015);
- изучение захоронения на о. Сучу, которое было датировано концом XIX — началом XX в. (Краминцев 2000);
- исследование второго Болоньского могильника (Медведев 2011);
- в данном контексте особенно необходимо упомянуть раскопки на Тырском утёсе А.Р. Артемьева. Это один из немногих примеров исследования памятника эпохи развитого средневековья непогребального характера. Изучение кумирни Юннин-сы можно охарактеризовать как зачин в изысканиях, которые помогут лучше понять взаимодействие местного населения Приамурья и Китая (от эпохи Юань до Цин) (Артемьев 2005).

Исторические процессы, происходившие с населением Приамурья с конца XIII до конца XVIII в., до сих пор являются «белым пятном» в дальневосточной археологии и истории. Есть надежда, что сбор данных и введение в научный оборот даже таких «одиночных» наборов артефактов поможет дополнить историческую картину того периода и побудить интерес исследователей к её дальнейшему изучению.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьев А.Р. 2005. *Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура*. Владивосток: К и Партнёры.
- Артемьева Н.Г. 1999. Предметы защитного вооружения с Красноярского городища. *Вестник ДВО РАН*. № 5, 36—41.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С. 2003. Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего Средневековья и раннего Нового времени. *Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего Средневековья*: сб. науч. тр. Новосибирск, 66—212.
- Васильев Ю.М. 1974. Могильник Дубовая Рёлка у села Невельского. *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 175—181.
- Васильев Ю.М. 2000. «Глухой» период в археологии Приамурья. *Интеграция археологических исследований*. Омск: Изд-во ОмГПУ, 116—118.
- Васильев Ю.М. 2006. *Погребальный обряд покровской культуры (XI—XIII вв.)*. Владивосток: Дальнаука.
- Горбунов В.В. 2002. Панцирь из Татарских могил (реставрация и реконструкция). *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 62—78.
- Деревянко Е.И. 1987. *Очерки военного дела племён Приамурья*. Новосибирск: Наука.
- Киселёв С.А. 2015. О скульптурной реконструкции лица человека по черепу. *Пятые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: материалы науч.-практ. конф. «Культурно-историческое наследие Дальнего Востока: сохранение, использование, популяризация»*. Хабаровск, 319—327.
- Копытько В.Н. 2004. Могильник у местечка Чирки. *Четвёртые Гродековские чтения: материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-куль-*

- турном и естественно-научном контексте России». Ч. 2. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 220—225.
- Краминцев В.А. 2000. Погребение на о. Сучу. *Интеграция археологических исследований*. Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 194—196.
- Краминцев В.А. 2011. Позднесредневековое (этнографическое) погребение на берегу залива Баня (Ленинский район ЕАО). *Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения*. Владивосток: Рея, 146—152.
- Леньков В.Д. 1974. *Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований на Шайгинском городище)*. Новосибирск: Наука.
- Медведев В.Е. 1979. К вопросу о погребальных обрядах нанайцев (погребение в устье р. Тунгуски). *Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна*. Новосибирск: Наука, 192—200.
- Медведев В.Е. 1983. О шлеме средневекового амурского воина (тайник с остатками доспеха с Корсаковского могильника). *Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск, 172—184.
- Медведев В.Е. 2011. Болонь: с древности до современности. *Этническая история и культура тюркских народов Евразии*. Омск, 363—368.
- Нестеров С.П., Слюсаренко И.Ю. 1993. Панцирь и шлем из могильника Шапка. *Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 189—196.
- Нефёдкин А.К. 2003. *Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.)*. СПб.: Петербург. Востоковедение.
- Прокопец С.Д. 2012. *Защитное вооружение чжурчжэней государства Восточного Ся (1215—1233 гг.)*: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток.
- Прокопец С.Д., Гвоздев Р.В., Якупов М.А. 2018. *Появление и распространение пластинчатого шлема на Дальнем Востоке*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=U_jdjeW2FrU (дата обращения: 15.02.2023).
- Самынин А.С. 2020. Особенности конструкции амурских пластинчатых шлемов. *Записки Гродековского музея*. Вып. 39. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 70—84.
- Сильницкий А.П. 1986. Быт гияльков на низовьях Амура. *Труды Приамурского отделения Русского Географического общества 1895 г.* Хабаровск.
- Шавкунов Э.В. (отв. ред.) 1994. *Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России*. М.: Наука.
- Шевкомуд И.Я., Бочкарева Е.А., Косицина С.Ф. 2007. Исследования Нижнетамбовского могильника (о погребении воина с мечом). *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология*. Т. 2. Иркутск: Оттиск, 301—306.
- Шиповалов А.М., Соболев А.Е., Шиповалова А.Б. 2018. Могильник Дрофа (материалы к позднесредневековой, этнографической культуре Приамурья). *Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области*. СПб.: Росток, 267—291.
- Шренк Л.И. 1899. *Об инородцах Амурского края*. Т. 2. СПб.
- Чжун Сук-Бэ 2013. Об оружии из могильника Чернятино 5. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. № 2, 126—135.
- Вэй Цуньчэн 2008. *Археология Бохая*. Пекин: Вэньу чубаньшэ. 魏存成. 2008. *渤海考古*. 北京: 文物出版社.

**“MANCHURIAN” TYPE ARMOUR PLATES
FROM THE FOUNDATIONS OF THE KHABAROVSK
REGIONAL MUSEUM NAMED AFTER N.I. GRODEKOV**

A.S. Samynin

In the article are introduced previously unpublished armour (lamellar) plates from the museum collections of Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov. Despite the fact that the same type samples were already introduced into scientific literature by ethnographers of the early 20th century and mentioned in works about the medieval natives' protective equipment of Primorsky and the Amur regions, and were included in the typological series of armour plates of the Russian Far East South in the works of weapons experts, the representation of the plates in scientific literature was limited only with graphic images and descriptions, which were not directly supported by the museum material base. It is given a detailed description of the items; was reviewed the possible origin of the armour plates, the way of manufacturing (based on visual analysis), and a hypothetical use as well. A variant of scientific graphic reconstruction of the plates' row is presented, which is based on the analysis of the saved armour fragments. On the base of available information is suggested an approximate dating of the armour plates. In the connection with the dating we again pay the attention to the late medieval, the so-called “paleoethnographic”, period in the history of the Lower Amur region, which is still rather poorly studied in the archaeological and historical context, which is a “blank spot” in the history of the Region.

Keywords: N.I. Grodekov's Regional Museum, Khabarovsk Krai, Lower Amur River Region, late medieval period, ethnography, protective equipment, armour, lamellar plates.

R E F E R E N C E S

- Artem'ev A.R. 2005. *Buddiyskie khramy XV v. v nizov'yakh Amura* [Buddhist Temples of the 15th Century in the Lower Amur Region]. Vladivostok: K i Partnery.
- Artem'eva N.G. 1999. Predmety zashchitnogo vooruzheniya s Krasnoyarskogo gorodishcha [Items of the Protective Equipment from the Krasnoyarsk Settlement]. *Vestnik DVO RAN*, no. 5, 36–41.
- Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. 2003. Razvitie zashchitnogo vooruzheniya u chzhurchzhenev i man'chzhurov v periody razvitogo i pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni [The Development of Protective Weapons among the Jurchens and Manchus in the Periods of the Developed and Late Middle Ages and Early Modern Time]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii pozdnego srednevekov'ya: sb. nauch. tr.* [Archeology of Southern Siberia and Central Asia in the Late Middle Ages: the Collection of Scientific Works]. Novosibirsk, 66–212.
- Vasil'ev Yu.M. 1974. Mogil'nik Dubovaya Relka u sela Nevel'skogo [Oak Relka Burial Ground near the Village of Nevelskoye]. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka* [Materials on the History of the Far East]. Vladivostok, 175–181.

- Vasil'ev Yu.M. 2000. «Glukhoy» period v arkhologii Priamur'ya [“Deaf” Period in the Archaeology of the Amur Region]. *Integratsiya arkhologicheskikh issledovaniy* [Integration of an Archaeological Research]. Omsk: Izd-vo OmGPU, 116—118.
- Vasil'ev Yu.M. 2006. *Pogrebal'nyy obryad pokrovskoy kul'tury (XI—XIII vv.)* [Funeral Rite of the Pokrovskaya Culture (11th — 13th Centuries)]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Gorbunov V.V. 2002. Pantsir' iz Tatarskikh mogilok (restavratsiya i rekonstruktsiya) [Armor from the Tatar Graves (Restoration and Reconstruction)]. *Materialy po voennoy arkhologii Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Materials on the Military Archaeology of Altai and Adjacent Territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 62—78.
- Derevyanko E.I. 1987. *Ocherki voennogo dela plemen Priamur'ya* [Essays on the Military Affairs of the Amur Region Tribes]. Novosibirsk: Nauka.
- Kiselev S.A. 2015. O skul'pturnoy rekonstruktsii litsa cheloveka po cherepu [The Sculptural Reconstruction of the Face from a Human Skull]. *Pyatye arkhivnye nauchnye chteniya imeni V.I. Chernyshevoy: materialy nauch.-prakt. konf. «Kul'turno-istoricheskoe nasledie Dal'nego Vostoka: sokhranenie, ispol'zovanie, populyarizatsiya»* [Fifth Archival Scientific Readings Named after V.I. Chernysheva: Materials of the Scientific-practical Conference “Cultural and Historical Heritage of the Far East: Preservation, Use, Popularization”]. Khabarovsk, 319—327.
- Kopyt'ko V.N. 2004. Mogil'nik u mestechka Chirki [Burial Ground near the Chirki Settlement]. *Chetvertye Grodekovskie chteniya: materialy region. nauch.-praktich. konf. «Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii»*. Ch. 2. [Fourth Grodek Readings: Proceedings of the Regional Scientific-Practical Conference “Amur Region in the Historical, Cultural and Natural-scientific Context of Russia”. Part 2]. Khabarovsk: KhKM im. N.I. Grodeкова, 220—225.
- Kramintsev V.A. 2000. Pogrebenie na o. Suchu [Burial on the Suchu Island]. *Integratsiya arkhologicheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological Research]. Vladivostok, Omsk: Izd-vo OmGPU, 194—196.
- Kramintsev V.A. 2011. Pozdnesrednevekovoe (etnograficheskoe) pogrebenie na beregu zaliva Banya (Leninskiy rayon EAO) [Late Medieval (Ethnographic) Burial on the Shore of Banya Bay (Leninsky District of the Jewish Autonomous Region)]. *Dal'niy Vostok Rossii v drevnosti i srednevekov'e: problemy, poiski, resheniya* [The Far East of Russia in the Prehistory and the Middle Ages: Problems, Searches, Solutions]. Vladivostok: Reya, 146—152.
- Lenkov V.D. 1974. *Metallurgiya i metalloobrabotka u chzhurchzheney v XII veke (po materialam issledovaniy na Shayginskom gorodishche)* [Metallurgy and Metalworking among the Jurchens in the 12th Century (on the Research Materials of the Shaiginsky Settlement)]. Novosibirsk: Nauka.
- Medvedev V.E. 1979. K voprosu o pogrebal'nykh obryadakh nanaytsev (pogrebenie v ust'e r. Tunguski) [On the Question of the Funeral Rites of the Nanais (Burial at the Mouth of the Tunguska River)]. *Drevnie kul'tury Sibiri i Tikhookeanskogo basseyna* [Ancient Cultures of Siberia and the Pacific Basin]. Novosibirsk: Nauka, 192—200.
- Medvedev V.E. 1983. O shleme srednevekovogo amurskogo voina (taynik s ostatkami dospekha s Korsakovskogo mogil'nika) [On the Helmet of a Medieval Amur Warrior (a Cache with the Remains of Armor from the Korsakov Burial Ground)]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, 172—184.

- Medvedev V.E. 2011. Bolon': s drevnosti do sovremennosti [Bolon: from the History Times to the Present]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii* [Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia]. Omsk, 363—368.
- Nesterov S.P., Slyusarenko I.Yu. 1993. Pantsir' i shlem iz mogil'nika Shapka [The Shell and Helmet from the Shapka Burial Complex]. *Voennoe delo naseleniya Yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Military Affairs of the Population of the South of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 189—196.
- Nefedkin A.K. 2003. *Voennoe delo chukchey (seredina XVII — nachalo XX v.)* [Military Affairs of the Chukchi (Middle 17th — Early 20th Century)]. Saint Petersburg: Petersburg. Vostokovedenie.
- Prokopets S.D. 2012. *Zashchitnoe vooruzhenie chzhurchzheney gosudarstva Vostochnogo Sya (1215—1233 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Protective Weapons of the Jurchens of the State of Eastern Xia (1215—1233): PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok.
- Prokopets S.D., Gvozdev R.V., Yakupov M.A. 2018. *Poyavlenie i rasprostranenie plastinchatogo shlema na Dal'nem Vostoke* [The Appearance and Spreading of the Plate Helmet in the Far East]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=U_jdJeW2FrU (accessed 15.02.2023).
- Samynin A.S. 2020. Osobennosti konstruktсии amurskikh plastinchatykh shlemov [The Amur-type Plate Helmets Design Features]. *Zapiski Grodekovskogo muzeya*, iss. 39. Khabarovsk: KhKM im. N.I. Grodekova, 70—84.
- Sil'nitskiy A.P. 1986. Byt gilyakov na nizov'yakh Amura [Life of the Gilyaks of the Lower Amur Region]. *Trudy Priamurskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva 1895 g.* [Proceedings of the Amur Branch of the Russian Geographical Society of 1985]. Khabarovsk.
- Shavkunov E.V. (Executive ed.). 1994. *Gosudarstvo Bokhay (698—926 gg.) i plemena Dal'nego Vostoka Rossii* [Bohai State (698—926) and the Tribes of the Russian Far East]. Moscow: Nauka.
- Shevkomud I.Ya., Bochkareva E.A., Kositsina S.F. 2007. Issledovaniya Nizhnetambovskogo mogil'nika (o pogrebenii voina s mechom) [Research of the Nizhnetambovsk Burial Ground (on the Burial of a Warrior with a Sword)]. *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. T. 2. [Northern Eurasia in the Anthropogene: Man, Paleotechnologies, Geocology, Ethnology and Anthropology. Vol. 2]. Irkutsk: Ottisk, 301—306.
- Shipovalov A.M., Sobolev A.E., Shipovalova A.B. 2018. Mogil'nik Drofa (materialy k pozdnesrednevekovoy, etnograficheskoy kul'ture Priamur'ya) [Burial Ground Bustard (Materials for the Late Medieval, Ethnographic Culture of the Amur Region)]. *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoy oblasti* [East of Asia: Problems of Studying and Preserving the Historical and Cultural Heritage of the Region. To the 15th Anniversary of the Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region]. Saint Petersburg: Rostok, 267—291.
- Shrenk L.I. 1899. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraya*. T. 2 [On Foreigners of the Amur Region. Vol. 2]. Saint Petersburg.
- Jun Suk-bae 2013. Ob oruzhii iz mogil'nika Chernyatino 5 [About Weapons from the Chernyatino 5 Burial Ground Complex]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii*, no. 2, 126—135.
- Wei Cuncheng 2008. *Bóhǎi kǎogǔ* [Bohai's Archeology]. Běijīng: Wénwù chūbǎn shè.